

В.И. Чуешов

ВОЗМОЖЕН ЛИ АРГУМЕНТАЦИОННЫЙ ПОВОРОТ В СОВРЕМЕННОЙ
ЛОГИКЕ, ИЛИ О ПРЕДЕЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ЛОГИКИ В XXI ВЕКЕ

Охарактеризованы имплицитные модели предельных оснований логики как науки – стандартная, классическая, неклассическая. Показана связь этих моделей с возможностью аргументационного поворота в логике и проанализировано их аргументологическое единство. Выделено жесткое ядро, практическое ядро и аргументологическое ядро современной логики, или аргументационный минимум цивилизации, а также аргументационный минимум и оптимум современной культуры.

The article characterises standard, classical, and non-classical implicit models of ultimate foundations of logic. The author shows the connection of these models to the possibility of argumentation shift in logic and analyses their argumentologic unity and defines the solid, practical and argumentologic cores of contemporary logic or the argumentation minimum of the civilization, as well as the argumentation minimum of the civilization and the optimum of contemporary culture.

Ключевые слова: *логика, аргументация, имплицитная модель предельных оснований логики, жесткое, практическое и аргументологическое ядро современной логики.*

Keywords: *logic, argumentation, implicit model of ultimate bases of logic, solid, practical, and argumentologic core of modern logic.*

Пределные основания логики, по крайней мере, в отечественной учебной и научной литературе уже в прошлом, XX в., оказались непосредственно связанными с несколькими имплицитными, существенно различающимися по своим исходным мировоззренческим (онтологическим, эпистемологическим и др.), методологическим, а также прaksiологическим основаниям моделям.

Совокупность перечисленных выше, по своей природе как бы металоогических оснований логики в дальнейшем мы будем называть ее предельными основаниями.

Для обозначения, так или иначе представленных в современной научной и учебной литературе по логике имплицитных моделей ее предельных оснований до сих пор, однако, не выработано сколько-нибудь устоявшейся терминологии. В дальнейшем для этих целей мною будут использоваться следующие, достаточно условные их наименования-типологизации: *стандартная*, *классическая*, *неклассическая* имплицитные модели предельных оснований логики. Поясним, что здесь имеется в виду подробнее.

Стандартная модель имплицитных предельных оснований логики в наши дни представлена в большинстве современных отечественных учебных пособий по логике как наука о законах правильного мышления. Наоборот, классическая имплицитная модель предельных оснований логики, как науки по существу тождественной математике, изучающей не схемы мышления, а чистые формы (структуры, или, выражаясь языком позапрошлого века, количественные стороны бытия) реализуется, по преимуществу, в современных специальных исследованиях предметной области логической науки.

Что касается неклассической имплицитной модели предельных оснований логики, то ее название говорит само за себя. Важно лишь подчеркнуть, что в случае с ней мы не имеем дела с каким-то маргинальным и(или) паралогическим феноменом, как, например, с механическим соединением стандартной и какой-либо иной не указанной выше имплицитной моделью предельных оснований интересующей нас науки, которое следовало бы назвать *эклeктической* моделью предельных оснований логики. Оставляя в стороне содержание *эклeктической* модели предельных оснований логики, заслуживающей самостоятельного рассмотрения, перечислим некоторые характеристики ее неклассической имплицитной модели предельных оснований.

С одной стороны, неклассическая имплицитная модель предельных оснований логики воплощена в достаточно большом массиве учебной и научной литературы, изданной, правда, по преимуществу не в нашем Отечестве, а за рубежом. Ее сегодня, в частности, репрезентируют работы со странными и даже крамольными с точки зрения сторонников и стандартной, и классической

имплицитных моделей предельных оснований логики названиями: «практическая логика», «информальная логика», «критическое мышление», «теория аргументации», «аргументология», «аргументорика» и т.п.

С другой стороны, эта модель предельных оснований логики, так или иначе, учитывается в серьезных отечественных и зарубежных научных и учебных исследованиях предмета логики как науки, причем, как сторонниками стандартной, так и классической моделей ее предельных оснований.

Первые, рассматривая, например, логическое доказательство, так или иначе, сближают его с такими, взятыми из эклектической и неклассической имплицитных моделей природы логики понятиями, как «подтверждение», «объяснение», «критика», а также «речевой акт», «оправдание», «аргументация» и пр. Вторые, т.е. сторонники классической имплицитной модели предельных оснований логики, так же вполне в неклассическом духе зачастую признают правомерность не только сближения, но и отдаления друг от друга неформального и строгого (валидного) формального рассуждения - математического доказательства (дедукции). Не является ли указанное свидетельством некоторого внутреннего, очевидно, не всегда осознаваемого специалистами мировоззренческого и методологического единства логики как науки в наши дни?

Для того чтобы убедиться в справедливости высказанного предположения, сначала обратим внимание на то, какие именно доводы подвигают сторонников стандартной и классической имплицитных моделей предельных оснований логики на использование чуждой для них терминологии – «оправдание», «речевой акт» и т.п.

Сведение имплицитных предельных оснований логики к предельным основаниям математики, в особенности, алгебры, в учебном процессе, по-видимому, в принципе, может быть реализовано таким образом, чтобы содержание редуцируемого адекватно выражало ее предельные основания. А именно: основания логики как науки, во-первых, о чистой форме, т.е. такой чистой (по терминологии И.Канта) форме, которая абсолютно не зависит, продолжим, начатое нами перечисление предельных оснований логики, во-вторых, от контекста, в-третьих, от развития (истории), и, в-четвертых, адекватно выражает собственный смысл непременно с помощью искусственного языка математики. По

преимуществу посредством таких терминов алгебры, как «множество», а также «включение», «объединение», «пересечение», «вычитание», «коммутативность», «ассоциативность», «дистрибутивность» и др.

Имя множества, если, оно, конечно, является базовой категорией логики, не может у рассматриваемой нами науки не быть одним на двоих с математикой. Преподавая логику, приверженцы ее классической имплицитной модели, однако, нередко полагают возможным наряду с именем множества и другими математическими понятиями, использовать такие имена из стандартной имплицитной модели предельных оснований логики, как «понятие», «принципы правильного мышления» и некоторые другие. Не означает ли это, что между стандартной и классической имплицитной моделями предельных оснований логики имеется не только серьезное различие, но и существенное сходство.

Несмотря на то, что язык классической имплицитной модели предельных оснований логики (сегодня им считается язык логики предикатов первого порядка) можно, по-видимому, рассматривать, как состоящий всего из одного элемента – имени «предикат» («отношение») и производного от него имени «функция»[5, с.7], тем не менее, в процессе преподавания логики «классическими ортодоксами» обычно также используются и такие, на первый взгляд, избыточные имена, как «высказывание» («предложение»), «рассуждение» («дискурс») и пр.

Вполне контрабандное использование в одной модели имплицитных предельных оснований логики понятийного аппарата из другой модели, однако, не только напоминает нам о внутреннем единстве логической науки и об интеллектуальной и языковой этимологической компоненте слова «логика». Оно также свидетельствует, как мне кажется, о все еще не реализованной в полной мере в наши дни в данных имплицитных моделях логики как науки ее важнейшей культурно-исторической миссии – быть наукой об аргументированном рассуждении, или, выражаясь короче, об аргументации.

В свете аргументационной культурно-исторической миссии логики [см. 4], наивно было бы полагать, что апелляции в современном, построенном в соответствии с канонами классической имплицитной модели предельных оснований логическом дискурсе именно к мышлению являются лишь данью

психологизму (в духе Фрейда), тогда, как использование в нем имени, например, «предложение» является лишь бессознательной апелляцией к языку (в духе Н. Чомпского (Хомского)), т.е., опять же, свидетельством всего лишь приверженности каких-либо специалистов по современной логике к не менее архаичному и натуралистическому, чем психологизм, *филологизму*.

Феномен филологизма, или грамматизма в связи с серьезным влиянием теорий генеративной грамматики и речевых актов на логику в нашем столетии все еще нуждается в таком же самостоятельном и обстоятельном изучении, которого в прошлом веке удостоился психологизм.

Для адекватного понимания природы филологизма, как показал Чомпский, важное значение имели идеи Р.Декарта об отношениях грамматики и обыденных языков. По мнению Чомского, суть «картезианской лингвистики» состояла в том, что «человеческий язык в его нормальном использовании является независимым от внешних стимулов или внутренних состояний и не сводим к какой-либо отдельной коммуникативной функции или, наоборот, например, к псевдоязыку животных»[6, р.29].

Раскрывая единство и различие предельных оснований математической, с одной стороны, и естественнонаучной и лингво-логической теорий языка, - с другой стороны, Чомский отмечал: «лингвистическая теория имеет дело, в первую очередь, с идеальным говорящим-слушающим (что, однако, заметим в скобках явно не предполагается в математике, - В.Ч.), существующим в совершенно однородной речевой общности, который знает свой язык в совершенстве и не зависит от таких грамматически несущественных условий, как ограничения памяти, рассеянность, перемена внимания и интереса, ошибки (случайные или закономерные) в применении своего знания языка при его реальном употреблении (что, укажем в скобках, неправомерно с позиций физиологической и психологической концепций языка, - В.Ч.). Мне представляется, что именно такова была позиция основателей современной общей лингвистики, и для ее пересмотра не было предложено никаких убедительных оснований»[3, с.9].

Проводя поучительную аналогию между ребенком и ученым-лингвистом, Чомский далее продолжал: «задачей лингвиста, также как и ребенка, овладевающего языком, является выявить из данных употребления **лежащую в их**

основе систему правил, которой овладел говорящий-слушающий и которую он использует в реальном употреблении. Отсюда следует, что лингвистическая теория, если **говорить формально** (все выд. мною. – В.Ч.), является менталистской, так как она занимается обнаружением психической реальности, лежащей в основе реального поведения»[3, с.10].

Любопытно отметить, что, разъясняя отличие собственной порождающей грамматики от грамматик других типов, Чомский апеллировал к работам такого видного представителя математической логики, как Э.Пост, в частности, к его теории комбинаторных систем [таж же, с.14]. Это, как нам представляется, косвенно свидетельствовало о понимании создателем генеративной грамматики мировоззренческого и методологического единства его лингвистических идей с классической имплицитной моделью предельных оснований логической науки.

Оставляя здесь в стороне ее подробный анализ, и как бы предваряя его будущие результаты, нельзя не отметить следующего. Точно так же, как аргументация, являющаяся рациональной деятельностью невозможна без явного или неявного использования различных элементов логики, выявляемых в стандартной имплицитной модели ее предельных оснований, она так же немислима без применения языка, важнейшие характеристики которого в наши дни раскрываются логическими конструкциями, базирующимися на имплицитных предельных основаниях как ее классической, так и неклассической моделей.

Это и неудивительно, поскольку аргументация, являясь социальной, рациональной, вербальной деятельностью убеждения аргументатором аудитории тематически как бы притягивает стандартную, классическую и неклассическую модели предельных оснований логики друг к другу.

Это, в частности, означает, что даже с помощью инструментария, вырабатываемого в рамках классической имплицитной модели предельных оснований логики как науки, мы вполне можем развивать и совершенствовать не только стандартное представление об аргументации, как доказательстве, но и выстраивать вполне убедительную вопросно-ответную классическую логическую модель аргументации (Д.В.Зайцев), раскрывающую с помощью различных искусственных языков более глубоко и обстоятельно, чем в стандартной модели,

некоторые важные рациональные особенности аргументированного рассуждения. С этой точки зрения тот аргументационный поворот в логике, на необходимость которого еще в 60-ых гг. XX в. в Великобритании и Бельгии указывали создатели аргументологии не только все еще теоретически актуален, но и практически вполне востребован даже в границах классической имплицитной модели предельных оснований данной науки.

Что же касается неклассической имплицитной модели предельных оснований логики, то в ней не только возможность, но и необходимость аргументационного поворота в логике признавалась с самого начала.

По крайней мере, именно потребность реализовать аргументационный поворот в логике была побудительным стимулом, вдохновившим британского ученого С.Тулмина в середине прошлого века на поиск более адекватной с аргументационной точки зрения модели рассуждения, чем логическое доказательство. Осознание необходимости именно этого поворота, побуждало также и бельгийского мыслителя Х. Перельмана и его ученицу Л. Ольбрехт-Тытеку различать доказательство (дедукцию) и аргументацию, а также апеллировать к актуальности и полезности не только реанимировать античную риторику и диалектику в XX столетии, но и продумать аргументационные перспективы развития новой риторики и новой диалектики.

Несмотря на то, что теоретическая мысль ключевых фигур аргументологии XX столетия – Тулмина и Перельмана - и развивалась по преимуществу в неформально-логическом, точнее, в аргументологическом ключе, сегодня многим из их последователей следует все же отдавать себе отчет в следующем. И Тулмин, и Перельман, выступая под флагом необходимости осуществления аргументационного поворота в логике в своих аргументологических построениях, пусть, и имплицитно, но чаще всего ориентировались на внутреннее единство логической науки.

Об этом свидетельствует как тулминовская ориентация на юридическую имплицитную модель логической науки, в которой именно форма имеет приоритет над содержанием, так и десятки схем аргументации, сконструированных и

описанных Х. Перельманом и Л. Олбрехт-Тытекой в работе «Новая риторика. Трактат по аргументации». Следовательно, не только стандартная и классическая, но стандартная, классическая и неклассическая имплицитные модели предельных оснований логической науки, по крайней мере, в аргументологической перспективе являются взаимодополнительными.

Аргументологическая дополнительность различных имплицитных моделей предельных оснований логики также свидетельствует о том, что в XXI в. логика, претендующая на статус самостоятельной науки, никоим образом не должна отказываться от своих исконных объектов изучения – мышления и языка. Последние просто должны исследоваться не в психологической или грамматической, а в аргументологической перспективе. В XXI в. логика, сохраняющая свое предметное отличие от психологии и грамматики(филологии), не может, поэтому, не сближаться, как с риторикой, так и с диалектикой.

Следовательно, в XXI столетии логика, сохраняя свою исходную имплицитную ориентацию на исследование формы (структуры, схемы) мысли и языка, отвлечение от контекста и истории, использование искусственного языка не может, однако, отвлекаться от вопросов о границах и демаркации рационального и нерационального, вербального и невербального, т.е. границах так или иначе преодолеваемых человеком в живой жизни посредством аргументации, но также и от вопросов о единстве и различии формального и неформального, контекстуального и неконтекстуального, статичного и динамичного, естественного и искусственного.

Вот почему сторонников различных имплицитных моделей предельных оснований логики заставляет использовать, на первый взгляд, чуждую для них терминологию, прежде всего глубинная природа самой логической науки. Конечно, не только она одна, но и сама жизнь, как бы напоминающая нам о том, что аргументация – всегда социальная (коллективная) деятельность убеждения аргументатором аудитории.

Важные социально-исторические особенности аргументационного взаимодействия аргументатора и аудитории в наши дни отчетливо проявляются в практике преподавания логики в отечественной высшей школе.

Абстрагируясь не только от аргументационных направлений развития современной математической логики, но и от аргументационного потенциала стандартной имплицитной модели предельных оснований логики, некоторые сторонники классической имплицитной модели предельных оснований логической науки, преподавая логику, фактически, заменяют ее математикой. При этом они чаще всего ограничивают цели преподавания только формированием у учеников навыков по решению задач (что, заметим в скобках, воскрешает в памяти бессмертное имя Лейбница, предлагавшего с помощью одних лишь ручки, бумаги и глагола «посчитаем» преодолевать интеллектуальные расхождения между людьми).

В этом случае ими игнорируются не только аргументационные стороны рассуждения, но и требования дидактики, которая рекомендует устранять из учебного процесса дублирование материала. В свете требований дидактики, использование в процессе преподавания логики классической имплицитной модели ее предельных оснований оправдано, например, в случае отсутствия собственно математических дисциплин в учебных планах подготовки каких-либо будущих специалистов, например, гуманитариев. В таких условиях учебный курс логики не может не являться в каком-то смысле лишь легитимизацией и субститутом преподавания математики для гуманитариев.

Если, однако, курс логики будет преподаваться гуманитариям в рамках классической имплицитной модели ее предельных оснований безотносительно к аргументационным аспектам современной математической логики, то он имеет все шансы превратиться для них в социально невостребованный курс. По выходе из высшей школы гуманитарии призваны обмениваться, скорее, не столько фактами, как физики, сколько аргументами (Г. Башляр). Для гуманитариев учебный курс логики как математики, в силу специфики, приобретаемого в вузе культурного капитала, может оказаться (как это, кстати, и имело место еще в 60-70-ые гг. XX в.

в ряде университетов Запада) во многих смыслах неприемлемым курсом, чего, однако, до сих пор все еще нельзя сказать о весьма полезном и профессионально востребованном для них таком курсе логики, в котором рассматриваются разнообразные проблемы и правила аргументации.

На возможность и актуальность аргументационного поворота в логике в XXI в. указывают, однако, не только интересы социогуманитарного образования, но также и потребности современных естественных и технических наук.

Разъясняя отдельные существенные аспекты желательности аргументационного поворота в современной логике с позиций ее классической модели через прицел потребностей как технических, так и социогуманитарных наук, В.К.Финн, например, приходил к следующему, с одной стороны, чересчур категоричному, а – с другой стороны, к прозорливому и верному выводу.

Как мы постарались показать выше, слабым в аргументологическом смысле является представление о том, что в XXI в. следует похоронить, как архаизм, «культ силлогистики и средств традиционной логики». Наоборот, сильным в аргументологическом смысле является утверждение В.К.Финна о том, что «современная логика – наука о рассуждении (правильном рассуждении), включающем **формализацию** догадок, порождения гипотез, а, следовательно, логика – генератор эвристик, соответствующих данному материалу (фактам, текстам, возможным измерениям и т.д.)».

Нельзя также не согласиться с тем, что «логика и методология современной науки способна формировать открытые теории (квазиаксиоматические теории), использующие **правдоподобные рассуждения**», если, конечно, не забывать о том, что «логика использует формальные языки с **дескриптивными и аргументативными** функциями (это означает представление отношений и применение **формальных средств аргументации**) (все выд. мною.- В.Ч)» [2].

Развитие технических, в особенности, компьютерных наук, сегодня идет рука об руку с таким важным направлением совершенствования классической имплицитной модели предельных оснований логики, как немонотонные логики.

Появление данных логик, призванных удовлетворить весомую часть современных потребностей в компьютеризации и информатизации общественной жизни, как представляется, также свидетельствует о происходящем на наших глазах аргументационном повороте в логике, или, по меньшей мере, оно указывает на определенную аргументологическую ограниченность чистой классической имплицитной модели ее предельных оснований.

Современная логика, ориентированная в перспективе классической имплицитной модели ее оснований под воздействием запросов науки и жизни, а также потребностей собственного внутреннего развития развивается и будет, конечно, развиваться не только в аргументационно-техническом, аргументационно-естественнонаучном, аргументационно-социогуманитарном, но и в неаргументационном направлении, к примеру, поиска возможностей создания новых льюисовских модальных систем и т.п.

Это означает, что аргументационный поворот в логике в XXI столетии, хотя и является не только возможным, но и желательным, жестко все же не детерминирован. Будучи детерминированным вероятностно, он во многом зависит от совокупных усилий современного профессионального сообщества логиков по сохранению логики в качестве одного из важнейших оснований цивилизации и культуры в будущем.

Тезис о необходимости сохранения и развития логики как самостоятельной науки в XXI в. посредством реализации в ней аргументационного поворота кому-то может показаться слишком оптимистичным по сравнению с представленными в литературе пессимистическими оценками будущего логики в XXI столетии. Пессимизм относительно будущего логики в XXI столетии может опираться на различные мировоззренческие и методологические предпосылки. Например, на представление о неисчерпаемости различных фрагментов современной математической логики, что для некоторых ученых является методологической предпосылкой пессимистического вывода о том, что одной единственной логики, Логики с большой буквы просто не существует. Сошлемся в этой связи на мнение ведущего современного российского логика А.С.Карпенко, писавшего: «наверное,

не одному человеку приходила в голову мысль, что если логик даже одного класса континуум, а людей (разумных существ) всего конечное число и пусть каждый рассуждает по-своему, то что же тогда представляет собой Логика как таковая ?» [1,с.14].

Следует иметь в виду, что уже в конце XX в., как показал А.С.Карпенко, над вопросом о природе или, по принятой нами терминологии, предельных основаниях логики, специально размышляли многие виднейшие представители ее классической имплицитной модели предельных оснований: Дж. Габбай, Хао Ян, Я. Хинтиikka, Я. Хэкинг и др. Подробный и обстоятельный анализ их оценок будущего логики – задача для отдельного и самостоятельного исследования.

Одно очевидно уже сегодня - зарубежные специалисты в актуализации вопроса о природе логики еще в конце XX в. опередили представителей отечественной мысли.

Этим, по-видимому, и объясняется чересчур категоричная вторая часть высказывания А.С. Карпенко о том, что «конец века и конец второго тысячелетия, а именно 1994 г. стал той критической точкой, когда под неимоверным давлением окончательно рухнула конструкция под названием «классическая логика», тем самым ещё раз подтвердив неправоту Канта, который в предисловии ко второму изданию «Критики чистого разума» в 1787 г. писал, что «судя по всему, она (логика. – А.С.) кажется наукой вполне законченной и завершенной» [1, с.41].

Соглашаясь с А.С.Карпенко в оценках современных программ поиска так называемых «истинной логики», «базисной логики», «универсальной логики» (Ж.Безье) и т.п., нельзя не разрушая аргументационной перспективы современной логики настаивать на том, что единой конструкции под названием Логика не существует, поскольку «такой конструкции нет и не может быть» [1, с.41].

Более оптимистичным, как представляется, будет иное предположение о существовании единой, хотя и плюралистичной в своем мировоззренческом и методологическом многообразии конструкции с названием «современная логика». Раскрывая в перспективе аргументационного поворота в логике содержание данной конструкции в первом приближении, и не претендуя при этом на истину в последней инстанции, можно уместно обратить внимание на следующие ее особенности.

Жестким ядром конструкции под названием «современная логика», как представляется, являются законы, обычно раскрываемые в классической имплицитной модели предельных оснований логики. Законы и правила не истинной и не базовой, а, по принятой мною терминологии, классической имплицитной модели предельных оснований логики **должны** практически использоваться в процессе аргументации в наши дни, а с целью глубокого научного познания их природы они **могут** подвергаться дальнейшей более обстоятельной формализации, сохранению и(или) исключению из научного дискурса, т.е. широко и глубоко специально исследоваться. Жесткое ядро современной логики характеризует аргументационный минимум *современной цивилизации*.

Практическим ядром современной логики, включающем в себя жесткое ядро, является стандартная модель имплицитных предельных оснований логики, представляющая собой расширение жесткого ядра современной логики в соответствии с потребностями социально-исторической практики. Оно является дополнением жесткого ядра современной логики принципом достаточного основания, правилами определения понятий и пр. Практическое ядро описывает *аргументационный минимум уже не столько современной цивилизации, сколько культуры*.

Расширение практического ядра современной логики в направлении более обстоятельного учета контекстуальных, динамических особенностей аргументированного рассуждения, роли в нем естественного языка реализуется в *аргументологическом ядре* современной логики, важнейшие особенности которого раскрываются сегодня в свете неформальной имплицитной модели предельных оснований логики, например, в информальном, критическом, когнитивном, а также риторическом, диалогическом и т.д. моделировании рассуждения. Аргументологическое ядро современной логики характеризует *аргументационный оптимум современной культуры*.

В качестве средств описания данного ядра сегодня используются не только диаграммы и схемы информальной логики, терминология теории аргументации и

концепции критического мышления, но и понятийный аппарат когнитологии, как, впрочем, риторики, диалектики.

Аргументологическое ядро современной логики, с одной стороны, является как следствием современного аргументационного поворота в логике, так и попыткой профессионального сообщества сохранить своеобразие и внутреннее единство трех имплицитных моделей предельных оснований данной науки.

С другой стороны, представления об аргументологическом ядре логики возникли не на пустом месте и по большому счету абсолютно новыми не являются. На его содержание и роль в логике, по меньшей мере, намекали и указывали, во-первых, Аристотель в так называемом «Органоне», а также «Риторике», «Топике» и в несохранившейся до наших дней, но вполне реконструируемой «Методике»; во-вторых, Лейбниц, подробно описавший логику, основанную на истинах разума и логику, базирующуюся на истинах факта (т.е. реализующую имплицитную неформальную модель предельных оснований логики), а также, в-третьих, творивший на калининградской земле И.Кант, видевший в стандартной модели логики ее практическое ядро, которое он называл *общей логикой*, последовательно увязывая при этом истины разума с существованием *трансцендентальной аналитики*, а истины факта – с предметной областью *трансцендентальной диалектики*.

Список литературы

1. Карпенко, А.С. Логика на рубеже тысячелетий // Логические исследования, 2000. - №7.
2. Финн, В.К. Доклад на конференции Российского государственного гуманитарного университета // Гуманитарные чтения РГГУ, 26 марта - 5 апреля 2008 года// режим доступа: <http://www.gumchtenia.rggu.ru/article.html?id=66145>.
3. Хомский, Н. Аспекты теории синтаксиса.- М.:МГУ, 1972.
4. Чуешов, В.И. Основы современной логики. - Минск: Новое знание, 2003. – С.34-77.

5. Янов, Ю.И. Математика, метаматематика и истина. Препринт Института прикладной математики РАН им. М.В.Келдыша.- М.:ИПМ РАН, 2006.

6. Chomsky, N. Cartesian linguistics: a chapter in the history of rationalist thought. - New York: Harper & Row, 1966.

Виктор Иванович Чуешов – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философских наук Академии управления при Президенте Республики Беларусь, tchoue@academy.edu.by; tchoue@mail.ru.

Prof. Dr. Viktor Chueshov, head of the Department of Philosophy, Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, tchoue@academy.edu.by; tchoue@mail.ru.